

О.Л. Ючко (Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина)

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПЕЙОРАТИВНЫЕ СИНОНИМЫ-ХАРАКТЕРИСТИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Ключевые слова: синонимы, контекст, пейоративные номинации, семантика, стилистическая окраска.

Лексическая синонимия представляет собой один из наиболее эффективных способов обогащения языка, являясь значимой лингвистической и мыслительной универсалией. Слова «оживают» в контексте, в определенном окружении в устной речи, реализуя таким образом свои контекстуально обусловленные семантические возможности. Показательно, что Г.В. Колшанский настаивает на рассмотрении «синонимии в качестве категориального семантического явления только на уровне контекста», подчеркивая, что «адекватность сигнификативного содержания слов и выражений определяется в рамках всего высказывания, а не выбором отдельных слов, встречающихся в различных контекстах и имеющих некоторую общность значения» [4, с. 103].

Цель данной статьи состоит в выявлении семантико-стилистических особенностей контекстуальных синонимов, используемых в художественных произведениях. В качестве фактологической базы для анализа материала нами использован интернет-ресурс «Национальный корпус русского языка» (www.ruscorpora.ru), дающий возможность выявить и проанализировать значительное количество речевых употреблений отдельных слов, устойчивых словосочетаний и целых синтаксических конструкций.

Контекстуальная синонимия характеризуется сближением значений лексических единиц в условиях одного контекста с целью уточнения мысли и разностороннего описания объекта или предмета. Подобной характеристикой наделены и пейоративные синонимичные номинации. Изучив содержание пятидесяти контекстов из различных художественных произведений, выявленных в Национальном корпусе русского языка и содержащих контекстуальные пейоративные синонимы-характеристики, мы получили следующие данные: контекстуальные пейоративные номинации составляют 88% (38 контекстов) из найденных примеров; 12% (12 контекстов) составляют примеры с узуальными негативно оценочными синонимами, то есть лексемами, сходство которых выявляется при изолированном функционировании.

Выявленная закономерность вполне объяснима, поскольку наличие большого количества пейоративных контекстуальных синонимов в текстах художественных произведений способствует вариативной характеристике персонажей, а также формирует информативность и оценочность высказываний.

Важно отметить, что негативно оценочные синонимичные номинации, употребляемые участниками коммуникации, однозначно свидетельствуют о характере взаимоотношений между персонажами, выявляют особенности их поведения, личностных качеств или внешности, что позволяет читателю наиболее адекватно оценить ту или иную ситуацию. В качестве примера приведем выразительный контекст из рассказа Е.А. Попова «Тихоходная барка», иллюстрирующего использование контекстуальных синонимов: *Хозяин ухмылялся. «Выходит, она нас обоих обманула?!» – вскричал юноша. – И вы, вы миритесь с этим?» – «Пошел вон, – сказал хозяин. – Пошел-ка ты вон отсюда, сопляк, хам, неуч, дебил, размазня. Пошел отсюда вон!» – «Вы ... вы потише! Я ведь боксер!» – из последних сил выкрикнул вроде бы Санечка, но тут же истерично разрыдался и, пятясь эдак боком, боком выполз. Вывалился из квартиры, как ключ из кармана.* Контекстуальные пейоративные синонимы *сопляк, хам, неуч, дебил, размазня* в данном случае используются для разносторонней характеристики героя (незрелый возраст, наглость, необразованность, умственная ограниченность, слабохарактерность) и являются способом выражения вербальной агрессии, которая понимается как разновидность психологического «насилия» с целью снижения уверенности в себе и порождения чувства беспомощности у объекта нападения. Обратим также внимание на то, что употребленные пейоративные контекстуальные синонимы сопровождаются трижды повторенным междометным императивным словосочетанием *пошел вон*, выражающим настойчивое, категоричное требование хозяина квартиры покинуть его жилье. Показательна и вербальная реакция юноши, который не случайно напоминает собеседнику о своей физической подготовке (*Я ведь боксер!*), подчеркивая тем самым, что ему не могут быть адресованы номинации *сопляк* ‘очень молодой, неумелый человек’ и *размазня* ‘вялый, нерешительный человек’. С другой стороны, персонаж-реципиент проявляет поведение, характерное прежде всего для женщины, на что указывают номинации *истерично разрыдался, боком выполз, вывалился*. В целом можно сказать, что цель использованных контекстуальных пейоративных синонимов достигнута, поскольку собеседник не только унижен, но и удален из помещения.

Рассмотрим сходную конфликтную ситуацию в драме А.Ф. Писемского «Ваал», где также одним из персонажей используется формула устранения собеседника: *Бургмейер: – Только сейчас же и вон из моего дома!.. Ни минуты не оставаться. Евгения Николаевна: – Ты в самом деле, видно, совсем рехнулся. Лакеев своих еще призывать выдумал... Я сама вспыльчива: я тебе все глаза выцарапаю и в лицо тебе наплюю, дурак этакий. Подлец! Свинья! Козел старый!* Пейоративные единицы *дурак* ‘глупый человек’ и *подлец* ‘низкий, бесчестный человек’ реализуют в данном случае широкую (общенегативную) семантику, в то время как контекстуальные синонимы-зооморфизмы *свинья* и *козел* реализуют более «специа-

лизированные» характеристики героя. Но если переносное значение слова *свинья* ‘низкий, бесчестный человек’ является общеупотребительным, то оценочная номинация *козел* ‘мужчина, склонный к разврату’ [3, с. 192] обладает более затемненной внутренней формой, во многом обусловленной эротической символикой этого животного, мотивированной его плодовитостью, магической способностью оказывать влияние на урожай и деторождение [1, с. 523].

В ряде случаев пейоративные синонимичные номинации могут реализовать в художественных текстах более «радикальные» характеристики персонажей. Приведем для иллюстрации контекст из романа Б. Васильева «Не стреляйте в белых лебедей»: *Дом, правда, отдал. Только вывез оттуда все. И еще погреб раскатал да выволоч: бревна там в дело могли пойти. За сараюшку было взялся, да тут уж Харитина не выдержала: «Змей ты подколодный, кровопивец неистовый, выжига перелютая!»* В данном случае характеристики персонажа представлены контекстуальными синонимами – устойчивым словосочетанием *змея подколодный* ‘коварный, злобный человек’, представляющим собой морфологическую трансформацию общеупотребительного выражения *змея подколодная*, а также сочетаниями слов *кровопивец неистовый* ‘чрезвычайно сильно жестокий человек’ и *выжига перелютая* ‘пройдоха, плут’, в которых постпозитивные оценочные прилагательные формируют дополнительную негативную оценку персонажа: *неистовый* ‘необычайно сильный в проявлении чего-нибудь’, *перелютый* ‘очень свирепый’.

В некоторых из выявленных нами контекстов используются негативно-оценочные контекстуальные синонимы, связанные со сферой христианства: *Мужик внезапно выпрямился. Глаза у него загорелись, и на лице выступила краска. «Ну на, ешь, на, подавись, на, – начал он, прищурив глаза и опустив углы губ, – на, душегубец окаянный: пей христианскую кровь, пей...»* *Лесник обернулся. – «Тебе говорю, тебе, азиат, кровопийца, тебе!» – «С ума сошел, что ли?» – «Пьян!.. не на твои ли деньги, душегубец окаянный, зверь, зверь, зверь!»* (И.С. Тургенев. Бирюк). Наряду с общеупотребительными номинациями – градационными контекстуальными синонимами *азиат* ‘некультурный, невежественный человек’, *кровопийца* ‘жестокий, безжалостный человек’, *зверь* ‘жестокий, свирепый человек’ употребляется негативно оценочное словосочетание *душегубец окаянный*, в котором слово *душегубец* имеет отрицательно коннотированное значение ‘убийца, разбойник, злодей, мучитель’. Несомненно, внутренняя форма этого слова сформировалась под влиянием представлений о человеке, который *губит* (уничтожает) *душу*. С точки зрения христианства слово *душа* определяется как ‘бесплотное существо, являющееся носителем жизни и духовного мира человека и способное существовать отдельно от тела’ [7, с. 523]. Как и в предыдущих примерах, постпозитивное прилагательное *окаянный* ‘проклятый, отвергаемый церковью; греховный, нечестивый’

[2, с. 707] значительно усиливает общую негативную атмосферу конфликтной ситуации.

Сходные экспрессивные номинации встречаются и в произведении А. Будищева «Святая душа»: «*На Ивана Постного круглое ел? Добра какого ни на есть воровать доводилось?*» – «*Н-не...*» – *говорит сотский и осекается. – Однава, сена с-с полвозика». « Пosaдят тебя на том свете на горячую сковородку, да сеном-то и обложат, да и подожгут! И покажу я тебе, Стоеросов, фигу. А ты меня пожалел?» – спрошу. – «А ты меня пожалел, вор, искаримот и предатель?»* Очевидно, что в данном случае к церковно-религиозной сфере имеют прямое отношение синонимы *искаримот* ‘предатель, действующий под маской друга’ и *предатель* ‘тот, кто предал, изменник’, обладающие близкими значениями. Вместе с тем слово *искаримот* (от *Иуда Искаримот* – один из учеников Христа, предавший его за деньги), имеющее более ограниченную сферу употребления, указывает на его особое, церковно-религиозное происхождение, связанное в сознании верующего человека не только с «рядовым», «бытовым» предательством, но с предательством своего Учителя, Сына Божьего, а значит – с неискупаемым грехом. Характеристика персонажа дополняется синонимической номинацией *вор*, которая реализует устаревшее (‘мошенник, злодей, обманщик’ [6, с. 28]) и диалектное (‘лживый, хитрый, лукавый человек’ [5, с. 97]) значения.

Таким образом, контекстуальные синонимы могут рассматриваться как многогранное явление, поскольку они используются не только как инструмент коммуникации, но и являются средством создания экспрессии в тексте, а также представляют собой один из способов обширной характеристики объектов.

Литература

1. Белова, О.В. Коза, козел / О.В. Белова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н. И. Толстого. – Т. 2. – М. : Международ. отношения, 1999. – С. 522 – 524.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб : Норинт, 2000. – 1534 с.
3. Вовк, О.В. Энциклопедия знаков и символов / О.В. Вовк. – М., 2006. – 517 с.
4. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – 154 с.
5. Словарь русских народных говоров. Выпуск 5. / Гл. ред. Ф.П. Филин. – Л : Наука, Ленингр. отдел, 1970. – 342 с.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 3. – М. : Наука, 1976. – 228 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 4. – М. : Наука, 1977. – 405 с.